

НИКОЛЕТТА МАРЧАЛИС

ЛЮТОРЪ ИЖЕ ЛЮТЬ

Прение о вере царя Ивана Грозного
с пастором Рокитой

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2009

ББК 83.3(0)4
М 30

Марчалис Николетта

М 30 Люторъ иже лють. Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 376 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0340-2

Книга представляет собой историко-филологическое исследование, основанное на текстах, объединенных тем, что они, прямо или косвенно, отражают один исторический факт — «прение о вере», т. е. религиозный диспут, который произошел в 1570 г. между царем Иваном Грозным и протестантским пастором Яном Рокитой, прибывшим в Москву в составе польско-литовского посольства. Впервые анализируется весь корпус текстов — как рукописных, так и печатных, в которых современниками было отражено это событие. Центральное место в исследовании занимает последовавший за этой встречей обмен письменными свидетельствами: «Исповедь» Рокиты, с одной стороны, и «Ответ» царя пастору — с другой. Подробный филологический анализ, поддержанный исследованием исторических событий, позволяет обосновать некоторые общие выводы о литературных занятиях царя.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована картина
В. М. Васнецова «Царь Иван Васильевич Грозный» (1897 г.)*

Николетта Марчалис

ЛЮТОРЪ ИЖЕ ЛЮТЬ

Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Банькова

Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 17.07.2009. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion.

Усл. печ. л. 23,5. Тираж 700. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».

№ госрегистрации 1037739118449.

Тел.: 95-171-95. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0340-2

© Н. Марчалис, 2009

© Языки славянской культуры, 2009

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

Глава первая **Посольство и Прение о вере**

1. Посольство в Московию.....	15
2. Дипломатическая миссия	23
3. Диспут	26

Глава вторая **Обмен текстами**

1. «Исповедь веры» Яна Рокиты.....	39
2. «Ответ» царя.....	51

Глава третья **Рукописная традиция**

1. Списки «Ответа» Ивана Грозного	61
2. Переводы «Ответа» Ивана Грозного	71
2.1. Польский перевод D.....	76
2.2. Латинский перевод E	86
2.3. Зависимость E от D.....	90
2.4. Независимость E от D.....	92
3. Стамма.....	95

Глава четвертая **Иван Васильевич богослов**

1. «Ответ» Ивана Грозного: структура текста	99
2. «Ответ» Ивана Грозного: источники.....	132

Приложения

Приложение 1. Русские списки «Ответа»: история публикации	149
Приложение 2. Таинственный Парфений Уродивый	164
Приложение 3. Максим Грек и Лютер	179
«Исповедь веры» Яна Рокиты	191
Литература	203
Условные сокращения	216
Транскрипция Холмской рукописи	217

ВВЕДЕНИЕ

«Иван Грозный как писатель» — тема не новая: еще Карамзин приписывал царю, помимо переписки с Курбским и Духовного заветания, «худые немецкие стихи» (Карамзин 1988—89: кн. III, т. IX, гл. 4, 155—156 и примеч. 476; см. Калугин, 1998: 210—212). В 1842 г. И. П. Сахаров подготовил для издания «Русского библиографического словаря» статью «Царь Иоанн IV Васильевич — литератор» (Сахаров 1842: 30—35. Издание не осуществилось), за которой последовали труды В. М. Ундольского («Иоанн Грозный, как литератор и духовный композитор»). Статья не была закончена и остается не изданной; хранится в ОР РГБ, ф. 704, картон 5, ед. хр. 11), И. Н. Жданова (Жданов 1904: 81—170), Филарета (Филарет 1857: 153—154), Леонида (Леонид 1886b), И. А. Шляпкина (Шляпкин 1911). И до, и после публикации царских посланий (ПИГ 1951) и переписки с Андреем Курбским (ПГК 1981) появлялись исследования, посвященные языку и стилю Ивана Васильевича, ибо, как пишет Я. С. Лурье, «главный критерий для установления авторства Ивана IV по отношению к произведениям, подписанным его именем (и даже по отношению к произведениям, написанным от имени других лиц), — совершенно своеобразный литературный стиль этих произведений» (Лурье 1958: 506).

В 1972 г. Д. С. Лихачев обратился к гипотезе, ранее сформулированной И. А. Шляпкиным, о том, что Парфений Уродивый, которому рукописная традиция приписывает «Канон Ангелу Грозному» и «Послание неизвестного против люторов», в действительности — псевдоним царя, так как второе произведение несомненно представляет собой ответ, переданный царем протестантскому пастору Яну Роките в процессе диспута о вере, состоявшегося в Москве в 1570 г. Поддержав эту точку зрения, Д. С. Лихачев предложил считать царя также и автором «Молитвы Ангелу Грозному», памятника, очень популярного в рукописной традиции и обладающего рядом сходств с «Каноном» (Лихачев 1972).

Признание Грозного автором «Канона Ангелу Грозному» и «Молитвы Ангелу Грозному» позволило по-новому подойти к вопросу об остальном гимнографическом наследии царя, к которому, со все возрастающей уверенностью, относят как тексты, так и музыку (Финдейзен 1928: т. 1, вып. 3, 246—247; Успенский 1968: 130—133; 1971: 186—191, 222, 357; «История русской музыки» 1983: 132—133). В 1989 году фирма «Мелодия» выпустила альбом из двух грампластинок «Стихиры Ивана Грозного» в исполнении Мужского вокального квартета. В аннотации сказано:

Царь не только любил хоровое пение и покровительствовал ему — известны и его собственные музыкальные произведения. Торжественно, словно поступь праздничного крестного хода, звучат стихиры Ивана Грозного. Как это было свойственно древнерусской музыке того времени, они строго унисонны, одноголосны. Поют только мужские голоса. Но строгая «соборность» характера пения не рождает однообразия или звуковой бесцветности. Великолепно «певаются», многократно повторяясь, отдельные звуки, создавая как бы ювелирную огранку особо значимым по смыслу словам или фразам. Строгие и суровые, как сама эпоха, песнопения Ивана Грозного, вместе с тем, подлинно монументальны.

Однако, даже не затрагивая здесь полемики о подлинности переписки царя с Курбским (Halperin 1998; Keenan 1998), талант Грозного — феноменальная память, эрудиция, писательский дар — не является единодушно признанным.

Самые убежденные сторонники авторства Ивана IV — поборники его святости¹, особо подчеркивающие значение гимнографиче-

¹ «4 октября 2002 года в Москве в Международном фонде славянской письменности и культуры состоялась научно-богословская конференция под названием “Исторические мифы и реальность”, целью которой являлось обсуждение распротраненных мифов об известных исторических личностях: святых царственных страстотерпцах, царе Иоанне Васильевиче Грозном, Григории Ефимовиче Распутине [...] Во время заседания в зале конференции на аналое стояла эта мирооточивая икона благоверного государя Иоанна Грозного, принадлежавшая о. Николаю и специально привезенная из его кельи с острова Залита. На конференции звучали свидетельства очевидцев о двух случаях, когда о. Николай молился перед ней, из глаз царя Иоанна истекало миро как слезы» (www.blagoslovenie.ru/client/New/76-79.htm). Конференция вызвала широкие отклики и горячую полемику в печати и в Интернете, так что понадобилось даже вмешательство православных

ских сочинений, в которых они видят выражение набожности царя и воплощение его лирического я. Наиболее полное собрание приписываемых ими Ивану Грозному текстов включает уже десять наименований².

Осторожность, с которой исследователи высказываются по поводу авторства Ивана Грозного, вызывает у его сторонников нескрываемое раздражение. Не избежал обвинений даже Д. С. Лихачев, который много сделал для создания образа царя как образованного и тонко чувствующего писателя: С. Фомин обвинил его в том, что «передовой ученый» «демонизирует» царя Ивана Васильевича, приписывая ему «панический страх смерти» и «глумление над христианским культом» (С. Фомин, «Венценосный гимнограф», http://old-rus.narod.ru/articles/art_42.htm). Фомин напоминает, что в 80-х гг. никому и в голову не приходило поставить под сомнение атрибуцию стихир и других церковных песнопений, представленных в рукописях как «Творение царев» — «Творение Ивана, богомудраго царя, самодержца российскаго», «Творение царя Ивана, деспота российскаго», «Творение царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси», «Творение государя царя Ивана Васильевича», — и разоблачает политические, по его мнению, мотивы такой текстологической скрупулезности.

иерархов и самого патриарха Алексия II. Ровно через два года после этой конференции, в октябре 2004 г. целый раздел доклада митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Синодальной комиссии по канонизации святых, на пленарном заседании Архиерейского Собора Православной Церкви был посвящен вопросу о канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. Митрополит не только выразил свою озабоченность в связи с тем, что подобного рода инициативы смущают умы верующих, но и показал историческую несостоятельность аргументов тех, кто поддерживает культ Ивана IV (<http://www.xxc.ru/sobor/docs/index.htm>).

² «Царь Иван Васильевич Грозный. Духовные песнопения и молитвословия», изд. Паломник 2001 (<http://www.rurik.ru/lib/religion/iona>). Сайт, видимо, больше не активен. Материалы, собранные С. Фоминим и включавшие статью самого Фомина («Державный гимнограф»), антологию приписываемых царю сочинений и перепечатку заметки Николая Тупикова о литературном творчестве царевича Ивана Ивановича (впервые опубликованную в Тупикине 1894: 358—374), были выложены на сайте «Антология древнерусской литературы» (<http://old-rus.narod.ru>). На новом сайте все примечания, указатель источников, по которым воспроизводились тексты, приписываемые царю, и заметка Тупикова — утрачены. Статья Фомина появилась под измененным названием «Венценосный гимнограф», но текст остался практически тем же.

Однако утверждения об авторстве царя в отношении большинства указанных выше текстов оказываются либо сомнительными, либо ложными.

«Тропарь и кондак на пренесение честных мощей Князю Михаилу Черниговскому» определяются как «творение Ивана, богомудраго Царя, Самодержца Российскаго» в единственной рукописи (РНБ, собр. Титова, № 3802; Рамазанова 1988: 107—116). «Тропарь в честь преподобного Никиты Переславского», вышитый царицей Анастасией на плащанице, никак не может быть произведением Ивана Грозного, поскольку Г. Д. Ленхофф нашла свидетельство о нем в богослужебной книге, переписанной до рождения царя (Lenhoff 1999: 45—54). «Молитва Архангелу Михаилу» нигде не сопровождается указаниями на автора, а недавно А. А. Турилов нашел этот текст в рукописи середины XVI в., то есть относящейся к тому периоду, когда юному Ивану никто из биографов не приписывает ни одержимость идеей смерти, ни особое почитание Архангела Михаила (Турилов, Чернецов 2002). Что же касается «Канона Ангелу Грозному», то его атрибуция царю связана со спорным определением имени Парфений Уродивый как литературного псевдонима Ивана Грозного.

Впрочем, вопрос об авторстве текста не решается путем простого утверждения или отрицания связи между автором и приписываемым ему текстом или напевом³. Второй, не менее интересный аспект заключается в понимании самого характера авторства. Например, «Житие Антония Сийского», сочинение царевича Ивана⁴, очень немногим отличается от предыдущей редакции, приписываемой монаху Ионе:

Царевич написал новое предисловие и сократил два первые разсказа в труде Ионы; далее он дословно повторил последнего и даже не опустил его послесловия, не назвав только автора по имени, но удержав черты, вовсе не идущия к царственному московскому пи-

³ «Иван Грозный как автор песнопений упоминается очень широко, но до сих пор не приведено научного доказательства его авторства и определения круга стихир, к которым относится известная (по списку № 428 Троице-Сергиевского собрания ГБЛ) помета “Творение царево”; не определено также, что она обозначает: авторство текста, или напева, или того и другого» (Серегина 1987: 149).

⁴ Шляпкин приписывает Ивану Грозному и авторство произведений, традиционно считавшихся произведениями его сына Ивана Ивановича (Шляпкин 1911: 555).

сателю. Строгий отзыв царевича о своем источнике⁵ несправедлив: сам он не прибавил ни одной новой черты к рассказу Ионы, далеко не воспроизвел его обильного любопытными подробностями содержания и превзошел его разве риторикой, не везде удачной (Ключевский 1871: 301—302).

Три из четырех стихир сретенью Владимирской иконе Божией Матери сложены по образцу стихир из службы на Успение Богородицы, и степень творческих новаций в них «сравнительно невелика» (Серегина 1987: 155). Из «Стихир Митрополиту Петру», приписываемых царю в трех рукописях, группа стихир «Кими похвальными» представляет собой не что иное, как отрывки, целиком перенесенные из службы Николаю Мирликийскому с незначительными заменами в тексте (Серегина 1994: 197).

В связи с тем, что было сказано выше, особое значение в спорах об Иване Грозном как писателе приобретает «Ответ царя Ивана Грозного Яну Роките», переданный царем в начале лета 1570 г. членам польского посольства в Москве, в состав которого входил и Рокита. Во-первых, дошедшие до нас славянские рукописи (частью XVI в.) и два перевода, выполненные вскоре после диспута царя с пастором, передают это объемное полемическое сочинение в том виде, в каком он вышел из-под пера царских писцов. Во-вторых, один из списков «Ответа» является первоисточником предположения, что царь мог использовать при распространении своих сочинений псевдоним Парфений Уродивый, поскольку в нем текст предваряется указанием «Творение Парфения Уродиваго». Это указание, как уже сказано выше, дало основание для цепочки атрибуций: Д. С. Лихачев признал творениями царя еще два памятника, подписанных Парфением Уродивым — «Канон Ангелу Грозному» и «Молитва Ангелу Грозному», — авторитетом Лихачева подкреплены выводы других исследователей, занимающихся вкладом царя в древнерусскую гимнографию:

Широко распространено мнение, что Иван Грозный был автором нескольких церковных служб. Первый высказал эту мысль архимандрит Леонид [...] к сожалению, не представив каких-либо доказа-

⁵ Царевич утверждает, что ему было передано списание о житии святого «зело убо суще в скудости написано» (Ключевский 1871: 301).

тельств в пользу авторства [...] ее подхватывают Н. Д. Финдейзен, а затем Н. Д. Успенский [...] Атрибуция стихир Ивану Грозному так и осталась недоказанной. Однако публикация другого гимнографического произведения — канона Ангелу Грозному воеводе — сопровождается последовательными доказательствами Д. С. Лихачева в пользу авторства Ивана Грозного (Рамазанова 1988: 112—113).

К сожалению, недавняя публикация «Ответа царя Ивана Грозного Яну Роките» (в 11-м томе Библиотеки Литературы Древней Руси — БЛДР 2001), которая должна была бы подвести итог долгой и сложной издательской истории этого памятника, совершенно не соответствует даже минимальным требованиям, предъявляемым к серьезному научному изданию⁶. Публикаторы не знают текстологической традиции памятника и пишут о «трех списках полной редакции и одном списке сокращенной редакции, подписанной псевдонимом Грозного — Парфений Уродивый», в то время как текст дошел до нас в пяти рукописях одной редакции (рукопись РГАДА, ф. 181 МГАМИД, № 726, оставшаяся незамеченной исследователями, впервые привлекается автором этих строк). Незнание рукописной традиции предопределяет неудачность издательских решений: текст памятника публикуется по дефектному списку (РГБ, ф. 236, № 19); уверение в том, что «при восстановлении лагун и исправлении ошибок текста учтены списки: Холмской духовной семинарии (по факсимильному воспроизведению V. Tumins); РНБ, Пог., № 1597, а также издание А. Попова», опровергается фактами. Большая лагуна, которая объединяет три рукописи (РГБ, ф. 236, № 19; РНБ, Пог., № 1597; ГИМ, собр. Уварова, № 187), не замечена и не восстановлена. Немногочисленные исправления (они все-таки есть) «выделены курсивом» без указания источника.

Даже перевод на современный русский язык оставляет желать лучшего. Приведем лишь один пример: слово «учинки»⁷, явный полонизм, взятый прямо из текста Рокиты, переведено «ученики». Та-

⁶ Можно не принимать во внимание публикацию отрывков из исследуемого памятника в издании Иван IV Грозный, «Сочинения», М.: «Азбука-классика», 2000: 107—115. Публикация представляет собой неудачный и сокращенный (утрачены почти все библейские цитаты) русский перевод текста, опубликованного в 1878 г. А. Поповым и основанного на единственной рукописи РГБ, ф. 236, № 19.

⁷ Ср. заключительные слова «Послания к Люторским учителям старца Артемия»: «А еже глаголють Люторы (истовое же имъ имя отъ дѣйства ругатели) “Христось уже за насъ выполнилъ, не требѣ ученики, рекше дѣла добрая”, се гла-

ким образом, перевод затуманивает ход рассуждений царя, который совершенно глух к размышлениям пастора об оправдании «верою единою» (*sola fide*) и снова и снова обвиняет своего оппонента в попрании апостольского предания и принципа авторитета:

А что еси писалъ, что зовете не то учинки добрые, что чѣловекъ сам себѣ вымыслит, и то еси писал на апосталы и на святыя отца, и о томъ писано выше сего (А64⁸);

А написал, что не называете вы хорошими учениками за то, что человек сам выдумает, — и это написал ты об апостолах и о святых отцах⁹, но об этом уже написано выше (БЛДР 2001: 243).

Настоящее исследование представляет собой первую работу, в которой рассматриваются все дошедшие до нас русские списки «Ответа» царя и все переводы этого текста. Первая глава посвящена реконструкции исторических событий, связанных с визитом в Москву польско-литовского посольства и с обстоятельствами, в которых произошло «прение о вере». Реконструкция выполнена на основании описаний, сделанных тотчас же после этого события современниками, католиками и протестантами, естественно отличающихся по своему содержанию. Во второй главе описываются тексты, создание которых стало результатом встречи царя и пастора, причем особое внимание уделяется двум вариантам «Исповеди» Рокиты — на польском и на латыни. В третьей главе анализируется соотношение между русскими списками «Ответа» царя, его переводом на польский и латинским переводом Ласицкого и строится стемма рукописей, в которых до нас дошел «Ответ». В четвертой главе анализируется структура «Ответа» царя, соотношение этого памятника с «Исповедью» Рокиты, исполь-

---

голють суетно, сами прелщени умомъ своимъ и иныхъ прелщаютъ в свою погибель» («Послания старца Артемия» 1878: 1266).

⁸ Все ссылки на «Ответ» царя отсылают к номерам страниц в публикации текста, помещенной в конце тома. Текст начинается на странице 5 (т. е. л. 3), так как в рукописи первые два листа чистые (см. гл. 2, с. 54), далее страница 6 соответствует листу 3 об. и т. д. Такая пагинация выбрана нами по двум причинам: во-первых, многочисленные ссылки на текст «Ответа» удобнее расположить в таблицах; во-вторых, такая же пагинация встречается в работе американской исследовательницы В. Тюминс, на которую ориентируются все существующие исследования.

⁹ Правильнее было бы перевести «против апостолов и святых отцов». Ср. «Мудрость мирская — вражда на Бога» («Послания старца Артемия» 1878: 1297).

званные при создании текста источники, язык и стиль сочинения. Цель данной главы — поместить памфлет Ивана Грозного в контекст развернувшейся в это время антипротестантской полемики и установить степень участия царя в создании текста. Наконец, три приложения посвящены текстологической истории памятника и сложной издательской истории этого текста в XIX в. (Приложение 1), таинственной личности Парфения Уродивого (Приложение 2) и антилютеранским произведениям Максима Грека (Приложение 3).

Глава первая

Посольство и Прение о вере

1. Посольство в Московию

3 марта 1570 г., в пятницу, в Москву въехало многочисленное и представительное посольство Речи Посполитой. Его возглавляли вельможные послы короля Сигизмунда Августа пан Ян Кротовский, воевода Иновроцлавский, поляк, и пан Николай Тальвош, каштелян Минский и староста Динабургский (Dünaburg, ныне Daugavpils), литовец, наделенные всеми полномочиями. В посольство входили также пан Рафаил Лещинский (z Leszna), староста Радеевский (Radziejów) и каштелян Шремский (Śrem), поляк, и Андрей Иванович, королевский секретарь и подкоморий Новгородский, литовец. Послов сопровождали семьсот восемнадцать человек и девятьсот лошадей.

Послов из Польши, усталых с дороги и измученных бесконечной церемонией встречи¹, препроводили в отведенную им резиденцию².

---

¹ Вот как описывали путешествие по Московии члены шведской дипломатической миссии, возглавляемой епископом Паавали Юстеном, которые в ту же эпоху побывали в Москве: «во время всей этой поездки с нами обращались очень плохо, нас везли не как послов, а как арестантов и преступников. Хлеб был сплошь из отрубей, жажду мы утоляли холодной зимней водой, охранники пускали по ночам в комнату дым, чтобы мешать нашему отдыху. Каждый раз, когда мы трогались в путь, нас тщательно пересчитывали, как и тогда, когда прибывали на место ночевки» (Павел Юстен 2000: 125—126). В Москву шведы прибыли 31 января 1570 г., но и там с несчастными обращались не лучше: долгие месяцы заточения («наше заключение длилось до 5 сентября», Павел Юстен 2000: 137), скудная еда — кормили кониной, а то и падалью (Павел Юстен 2000: 129).

² Посланцы царя, направленные для встречи поляков, специально расположились, заняв дорогу во всю ширину и нарочито не двигались с места, заставив посольский поезд объезжать препятствие, съехав с дороги в снег и грязь. Никто из русских не должен был снимать шапку или спешиваться прежде, чем это делают иностранцы, а только лишь сразу после них. И далее в том же духе; красноречивая картина этого изматывающего церемониала описана В. Ключевским, опиравшимся на многочисленные свидетельства от Герберштейна (1519) до Кор-

Царем были даны подробнейшие указания, как обращаться с послами³. Например, конюхам было велено поить посольских лошадей стоячей, затхлой водой и следить, как на это будут реагировать поляки: если хозяева смолчат, несчастных животных можно было отводить на водопой к реке, если нет — оставлять без воды. Для людей разрешалось носить свежую воду из реки, однако следовало заставлять их пить спиртное, чтобы вытянуть из них как можно больше сведений. Каждое слово иностранцев приказано было запоминать и доносить.

После двух недель изматывающего выжидания, которые, после возвращения на родину, послы назовут настоящим тюремным заключением (Łasicki 1582: 3), в Вербное воскресенье, 19 марта, им был нанесен первый официальный визит:

В вербное воскресенье [...] приехали царские приставы и говорили: «Иоанн Васильевич, великий князь московский, царь всяя Руси и прочая [...] узнал о приезде послов, отправленных к нему от великого Сигизмунда Августа короля польского, и велел нам звать вас на его великокняжескую трапезу и потчевать хлебом-солью да многими обильными блюдами. Хотел Великий Князь иметь встречу с вами, но Псковские и Новгородские земли занимают его важным делом и не позволяют ему это намерение осуществить. Однако как только со всем покончит, он с вами встретится, дабы вы смогли наилучшим образом передать ему то, что вам поручено⁴».

ба (1699), в главе «Прием иностранных послов в Москве» в его «Сказаниях иностранцев о Московском государстве» (Ключевский 1991: 29—52).

³ В «Contumeliae ac iniuriae quibus Nuncii Serenissimi Poloniae Regis [...] a Duce Moschorum eiusque Aulicis [...] affecti sunt» («Оскорбления и обиды, нанесенные ясновельможным послам короля Польши, князем Московским и придворным его», Theiner 1861: 755—756) поляки рассказывают о запугивании, о побоищах, заканчивавшихся избиением кнутом, о порках, о знатных людях, которых заставляли голыми ползать на четвереньках, о захваченных и ограбленных купцах. Некоторые эпизоды (о шуте, наряженном в польские одежды; об украденных у одного из дворян польской свиты серебряных украшениях упряжи; об убитых и брошенных к порогу конях) приведены также Джерио в его донесении дожу: «Discorso di Monsignor Gerio, Priore d'Inghilterra, Mandato da Venezia, del trattamento che usò il Duca di Moscovia alli ambasciatori Pollacchi et d'una invasione che fecero gli Tartari in quei Paesi» («Донесение Венецианскому Дожу от Посланного из Венеции Английского Приора Джерио о прием польским Послам у Царя Московского, и о набеге Татар на его земли», Тургенев 1841: 213—215).

⁴ «Dominica palmarum nominata [...] Nuncios Regios convenere et ita sunt allocuti: Ioannes Basilius Magnus Dux Moscoviae, totius Russiae Imperator etc. [...] de adventu

О том, что на самом деле делал Иван Васильевич в Новгороде, достоверно сообщает аббат Джерио, венецианец, сопровождавший польских послов, в своем донесении Венецианскому Дожу:

А еще сообщаю, что великий князь — жестокий тиран и что в то время, когда мы были в Москве, он находился в городе, именуемом Великий Новгород, превосходящем все прочие города, за исключением Москвы, и поскольку ранее он перехватил оттуда почту с письмом о готовящемся мятеже, приказал убить там около восемнадцати тысяч человек, в их числе были мужчины, женщины и дети, причем убивали не только злоумышленников, но и всех их кровных родственников, дабы извести с корнем род упомянутых злоумышленников⁵.

В конце месяца послам нанесла визит вторая официальная делегация с охотничьими дарами (50 зайцев Кротовскому, 40 — Тальвошу, 30 — Лещинскому, 20 — Андрею Ивановичу, 106 — шестнадцати дворянам из свиты. «Памятники сношений» 1892: 634; «Выписка из посольских книг» 1997: 266), но главное — она принесла весть, что Грозный готовится к возвращению в Москву. Сотню оборванных, голодных пленников заставили расчищать дорогу, укатывая мерзлую землю

---

vestro a Sigismundo Augusto magno Polonorum Rege ad magnum Moschorum Ducem certior factus nobis in mandatis dedit, uti vos mensa sua ducali exciperemus ac pane tale [sic] aliisque etiam quam latissime ferculis tractemus. Erat quidem magni Principis nostri animus vos hic invisere, verum negotium, quod illi iam cum terris quibusdam Pscor [sic] et Novogrod est, quominus id praestet, eum avocat, illud tamen simulatque perfecit, vos adire non negliget, cui tunc legationem vobis commissum exponere peropportune potueritis» («Iter Nunciorum Serenissimi Regis Poloniae ex eadem provincia ad Moscorum Regem missorum usque ad civitatem Moschoviae», «Путь ясно-вельможных послов короля Польши, посланных в государство Московское, из своей страны к Московскому царю», Theiner 1861: 754). Далее следует описание предложенных послам блюд, естественно исключительно рыбных, которые поляки нашли отвратительными.

⁵ «Advertisco ancora, che questo principe è grandissimo tiranno, che nel tempo che eravamo in Moscovia, lui era in una città sua chiamata Wielki Novogorod, la maggiore et più notabile di tutte l'altre, eccetto Moscovia, et per haver trovato un correro con lettere di ribellarsi, ha fatto morir circa dieci otto millia persone, cioè huomini donne et fantolini, et non solamente ha fatto morir li malfattori, ma ancora tutti quelli ch'erano del suo sangue, per eradicar quella linea di detti malfattori» (Тургенев 1841: 214).

перед резиденцией посольства, и встревоженные поляки две недели наблюдали за несчастными⁶.

Наконец 3 мая (по русским источникам, 4 мая⁷) состоялся въезд царя в Москву. Иван Васильевич проследовал буквально перед носом послов по специально расчищенной для него дороге. Шествие было задумано как демонстрация царского могущества, но на поляков произвело совсем другое впечатление:

3 мая прибыл наконец Великий князь, со своими жалкими всадниками, перед ними двигались 1500 стрельцов под водительством трех сопровождающих, облаченных в шелковые одежды небесного цвета, шитые жемчугом, за ними следовали три шута, из коих один — верхом на воле, а двое на добрых конях. Затем ехал Великий князь верхом на красивой и богато убранной лошади, в одеждах, расшитых цветным жемчугом. По правую руку от него двигались двое, одетые в белое, и держали в руках секиры, и тоже — по левую руку. За ним следовало сто придворных, одетых в золото. А остальная чернь, почти четыре тысячи человек верхом, на жалких и тощих лошадях, все время отставала. Мы, по правде, всегда говорили, что мы — намного лучше князя Московского и его войска, но столь явственно увидев их позор, стали считать их куда слабее наших крестьян⁸.

⁶ Джерио, однако, сообщает о том, что дорогу готовили четыре дня: «Когда он прибыл в Москву, приказал в четыре дня проложить новую дорогу, чтобы иметь возможность проехать мимо резиденции наших Послов, для чего пришлось многое снести» («Quando lui guinze [sic] in Moscovia, fece fare una strada nuova in quattro di, per poter passar appresso il palazzo delli nostri Ambasciatori, facendo gettare molte cose per terra», Тургенев 1841: 214). Карамзин, читавший Джерио в рукописи, пишет о «снесенных домах» («facendo gettare molte case per terra») (Карамзин 1988—89: кн. III, т. IX, гл. 3, примеч. 329).

⁷ «Маиа в 4 день в четверг царь и великий князь из Александровские Слободы приехал к Москве [...] и литовские послы смотрили» («Памятники сношений» 1892: 638—639).

⁸ «3. Die Maii tandem venit Magnus Dux cum equitibus suis sane miserrimis, quem procedebant 1500 traiectores: his praeerant tres duces desuper serico vestibus tecti cerelei coloris, fimbriae margaritis intextae, quos tres histriones sequebantur, ex his unus bovi insidens, post duo equi bene ornati illorum more ducebantur: tum demum ipse Magnus Dux equo bono et bene ornato insidebat, vestem habens auto intextam fimbriae margaritis artificiose depictae: ad cuius latus dextrum proficiscebantur duo vestibus albis induti, manu securim detinentes, similiter ex alia parte, quem sequebantur centum aulici in vestibus auratis: haec deinde reliqua fex et multitudo populi ad millia credo 4 millia equis macilentis et miseris supersedentes, et quos interdum relinquere cogeban-

В такой обстановке взаимного недоверия 7 мая двери дворца наконец-то распахнулись для первой аудиенции и торжественного пира. Начались переговоры, которые должны были положить конец войне, в которой на многие годы увязли Польша, годом раньше подписавшая вечную унию с Литвой, и Московское царство; христиане должны были прекратить проливать кровь друг друга. После долгого бездействия встречи следовали одна за другой: среда 10 мая, пятница 12 мая, среда 17 мая, понедельник 22 и понедельник 29 мая; воскресенье 4 июня, суббота 10 июня, вторник 13 июня, четверг 15 июня, воскресенье 18 июня, понедельник 19, вторник 20, четверг 22 июня (по документам, опубликованным в «Памятниках сношений» 1892). В пятницу, 23 июня, царь направил к послам своего хранителя печати дьяка Ивана Висковатого, чтобы проверить правильное написание титулов Сигизмунда Августа в подготовленном тексте перемирия, а в субботу, 24 июня, бояре скрепили подписями и печатями договор, затем последовала церемония приношения клятвы. В понедельник, 26 июня, послы и бояре встретились в последний раз, чтобы договориться об обмене пленными. Царь, кроме того, пожелал получить икону Пресвятой Девы, несправедливо удерживаемую лютеранами («Июня въ 25 день приказалъ государь бояромъ, Михайлу Яковличю да Микитѣ Романовичю съ товарищи, литовскимъ посломъ молвити, что стоять въ Вилнѣ въ соборной церквѣ образъ пречистые Богородицы въ желѣзномъ киотѣ запечатанъ, потому что литовские люди держать люторскую вѣру. И того бѣ образа просити за исборскихъ людей пятьдесятъ человѣкъ»; «Памятники сношений» 1892: 743).

tur. Nos vero longe melius nobis de Moscho et eius exercitu semper pollicebamur, posteaque cum illorum ignominia detecta vidimus, secus admodum persuadere, ipsis etiam nostris villanis longe imbecilliores cernere coepimus» (Theiner 1861: 754). Ср. описание, данное аббатом Джерио: «так впереди шли ровным строем три тысячи стрельцов с пищальми, за ними — царский шут верхом на воле, и еще один, наряженный в золотое платье, за ним ехал великий князь, с притороченным сбоку луком, а на шее его лошади была привязана собачья голова, потом за ним около четырех тысяч всадников» («Cosi innanzi vennero circa tre mila archibugieri molto ben all'ordine, poi seguitava il suo buffone a cavallo a un bove, et un altro vestito di oro, poi lui seguitava con l'arco al lato, et una testa di cane, attaccata al colle [sic] del suo cavallo, poi dietro a lui circa quattro mila cavalli, quali, dicevano, ch'erano tutti cavalli della posta» (Тургенев 1841: 214). Трудно сказать, что больше не одобряет Джерио: собачью голову или лук, оружие, которое в Европе XVI века презирали, считая недостойным; в начале своего сообщения он не забывает отметить, что русская кавалерия вооружена луком и стрелами (Тургенев 1841: 213).